

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Полагая угодить русскимъ библіофиламъ и библіотекарямъ указаніями о русскихъ рѣдкихъ книгахъ, я составилъ предлагаемый списокъ. вмѣстѣ съ тѣмъ этимъ спискомъ вносятся въ русскую библіографію свѣдѣнія о многихъ книгахъ малоизвѣстныхъ, частію вовсе не указанныхъ въ нашихъ каталогахъ.

Статья о рѣдкихъ книгахъ, служащая введеніемъ къ списку, была напечатана въ С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ 1852 г. № 129 и 130, по случаю аукціона въ Императорской Публичной Библіотекѣ. Здѣсь она является въ пополненномъ видѣ.

При выборѣ книгъ для помѣщенія въ мой списокъ я руководствовался извѣстными мнѣ данными и указаніями о безусловной, или относительной рѣдкости этихъ книгъ, а частію собственнымъ опытомъ. Я ста-

рался указать только такія книги, рѣдкость коихъ опредѣлена болѣе или менѣе точными признаками и свѣдѣтельствами.

Замѣчу, что я при этомъ оставилъ въ сторонѣ старопечатную, церковно-славянскую нашу литературу, потому что хотя всѣ ея произведенія рѣдки, но указаны, или описаны въ нѣсколькихъ библиографическихкихъ трудахъ. Поэтому же я не исчислилъ изданій церковной и гражданской печати царствованія Петра Великаго, такъ какъ онѣ уже описаны въ книгахъ имъ посвященныхъ А. Θ. Быковымъ и П. П. Пекарскимъ. Также я не считалъ нужнымъ помѣщать масонскія и мистическія книги XVIII столѣтія, хотя онѣ болѣею частію рѣдки: онѣ исчислены въ книгѣ М. Н. Лонгинова о Новиковѣ. Наконецъ я не указалъ множества такъ называемыхъ «библиографическихкихъ рѣдкостей», истребленныхъ временемъ, потому что имъ не придавали никакого значенія: только теперь, при развѣтій литературы стали обращать на нихъ вниманіе. Сюда принадлежатъ летучіе листки, аффиши, объявленія, программы, мелкія брошюры, старинныя театральныя пьесы, стихотворенія и рѣчи на разные случаи, описанія торжествъ, наконецъ оттиски журнальныхъ и газетныхъ статей, часто отпечатанныхъ въ небольшомъ числѣ. Такого рода произведеній нашей печати слишкомъ много, а если дѣлать изъ нихъ выборъ для помѣщенія въ списокъ рѣдкостей, то пришлось бы руководствоваться случайными, произвольны-

ми признаками, такъ какъ дѣйствительную рѣдкость каждаго изъ этихъ произведеній опредѣлить трудно. Но и въ тѣхъ границахъ, въ которыхъ я держался, безъ сомнѣнїя, еще не мало рѣдкостей осталось мнѣ неизвѣстными и списокъ мой, современемъ, можетъ быть пополненъ указанїями о многихъ дѣйствительно и завѣдомо рѣдкихъ книгахъ, если мнѣ въ томъ помогутъ библіотекари, библіофилы и вообще имѣющіе свѣдѣнїя о книжныхъ рѣдкостяхъ, неизвѣстныхъ по каталогамъ. Я уже обязанъ многими замѣчанїями и указанїями Графу М. А. Корфу и М. Н. Лонгинову, просмотрѣвшимъ мой списокъ. Значительная часть книгъ мною записана по экземплярамъ Императорской Публичной Библіотеки, выдача коихъ мнѣ была разрѣшена г. директоромъ Библіотеки И. Д. Деяновымъ, при чемъ я пользовался указанїями А. Θ. Быкова. Они отмѣчены въ списокъ буквами И. П. Б. Мнѣ были открыты Чертковская Библіотека въ Москвѣ и замѣчательныя собранїя русскихъ книгъ въ Петербургѣ: Н. П. Дурова, князя Е. А. Львова (бывшая библіотека Д. Г. Бибикова), П. П. Пекарскаго, Д. В. Полнова, М. И. Семева. Нѣкоторыя книги записаны по экземплярамъ моей библіотеки: онѣ отмѣчены звѣздочкою. Наконецъ нѣкоторыя заглавія книгъ выпишаны изъ разныхъ каталоговъ, особенно изъ Опытъ россійской библіографїи Сопикова (5 ч. Спб. 1813—1821), въ которыхъ отмѣчены книжныя рѣдкости.

Нѣкоторыя сокращенія: напримѣръ, не п. стр. (непомѣченныя страницы), или б-ка (библіотека), или л и т. (литературный) журналъ или экз. (экземпляръ) и т. п., кажется не нуждаются въ объясненіяхъ и будутъ понятны для всѣхъ.

Григорій Семѣевъ

О РѢДКИХЪ КНИГАХЪ

ВЪ

О С О Б Е Н Н О С Т И Р У С С К И Х Ъ.

Собственно рѣдкою книгою можно назвать всякую книгу, которую трудно добыть; но это опредѣленіе очевидно слишкомъ обширно. Надо ближе опредѣлить значеніе рѣдкости книгъ и войти въ нѣкоторыя подробности. Иначе пришлось бы считать рѣдкими большую часть книгъ, особенно русскихъ, потому что вслѣдствіе недостаточнаго развитія нашей книжной торговли, трудно иногда найти книгу очень не рѣдкую, которая можетъ быть лежить гдѣ нибудь въ значительномъ количествѣ экземпляровъ. Случается, что не достанешь въ Москвѣ и Петербургѣ книгу, напечатанную въ провинціи и на мѣстѣ не имѣющую сбыта. Наконецъ у насъ иногда не знаешь къ кому обратиться за книгою, которая не очень извѣстна, потому что у насъ незначатся на самыхъ книгахъ имена издателей ихъ, какъ это водится въ другихъ странахъ Европы.

Чрезвычайно разнообразны стремленія, желанія, мнѣнія и

вкусы людей, ищущихъ и собирающихъ книги, занимающихся этимъ дѣломъ ревностно, съ любовью, съ терпѣніемъ и иногда посвящающихъ этому всю свою жизнь, всю свою дѣятельность. Разобрать пружины, дѣйствія, виды страсти къ книгамъ — задача для моралиста. Страсть эта въ проявленіяхъ своихъ чрезвычайно разнообразна и доводитъ человѣка скорѣе, чѣмъ другія страсти, до крайностей странныхъ и смѣшныхъ. Это, кажется, происходитъ оттого, что эта страсть тихая, такъ сказать, тлѣющая въ душѣ человѣка. Она можетъ имѣть источникомъ самыя благородныя, высокія стремленія, и съ другой стороны самыя мелочныя, даже низкія побужденія. Существуютъ, на примѣръ, библіотафы (буквально: зарыватели книгъ), люди, которые собираютъ книги только для того, чтобы укрывать ихъ, какъ въ кошель прячутъ деньги. Они забываютъ цѣль книги и пользу ея и видятъ въ ней лишь вещь съ трудомъ добытую и цѣнную, которую надо тщательно оберегать отъ чужаго глазу и всякаго посягательства на нее. Но независимо отъ духовныхъ стремленій, оживляющихъ разборчиваго и свѣдущаго библіофила, отъ причудливыхъ, иногда странныхъ желаній и прихотей, увлекающихъ библіомана, и низкихъ побужденій книжнаго кощера, вѣроятно въ душѣ человѣка есть болѣе глубокое основаніе книголюбію. Это основаніе должно искать какъ въ потребности духовной пищи и умственныхъ нуждахъ, такъ и въ общемъ всѣмъ людямъ стремленіи къ приобрѣтенію и обладанію, въ наслажденіи чувствомъ собственности, прирожденномъ человѣку. Отъ этого библіофилъ желаетъ не только пользоваться книгою, но и приобрѣсть ее. Отъ этого же про-

истекаетъ страсть къ рѣдкимъ книгамъ: собирателю такихъ книгъ пріятна мысль, что книжная рѣдкость принадлежитъ именно ему, и очень мало и даже совсѣмъ нѣтъ такихъ же избранниковъ, какъ онъ. И онъ благословляетъ случай, доставившій ему драгоценную книгу, онъ уважаетъ и любить ее, украшаетъ переплетомъ и только скрѣпя сердце расстаётся съ нею. На книжныхъ аукціонахъ можно замѣтить, что книги, неважныя по содержанію, неизвѣстныхъ авторовъ, не знаменитыя въ лѣтописяхъ литературы, или примѣчательныя по какимъ либо внѣшнимъ особенностямъ, привлекаютъ многихъ и присуждаются за большія суммы. Книга пустая можетъ иногда быть рѣдка и потому дѣлается цѣнною. Въ такихъ случаяхъ уже забывается значеніе, смыслъ и цѣль книги: это просто рѣдкая, или изящная вещь, которой любители, а иногда мода,—придали особую цѣнность.

Эта жажда приобрѣтенія книгъ и гонка за экземплярами, которые трудно добыть, имѣетъ иногда побужденіемъ не одну только исключительную библіоманію,—а интересы науки. Есть собиратели, образующіе библіотеки по какимъ либо отраслямъ знанія, или ученые—спеціалисты, которымъ дорого имѣть извѣстный разрядъ сочиненій и если какой либо книги, иногда и неважной, недостаетъ въ ихъ собраніи, они способны отыскивать ее съ ревностію рынаго библіомана, чтобы пополнить свое собраніе. Эти спеціалисты своими исканіями также увеличиваютъ цѣнность нѣкоторыхъ сочиненій. Требованія на извѣстныя сочиненія, или цѣлые разряды какихъ либо книгъ можетъ возникнуть вдругъ и придать значеніе забытымъ книгамъ. Такъ напримѣръ при составленіи

отдѣленія иноязычныхъ книгъ о Россіи (Rossica) въ Имп. Публичной библіотекѣ, по мысли графа М. А. Корфа, въ Германіи стали отыскивать требуемыя книги и они вслѣдствіе того вздорожали и явились особые антикварные каталоги, въ которыхъ отмѣчались изъятія изъ торговли и трудно находимыя сочиненія о Россіи.

Самая рѣдкость книги должна бы, казалось, ручаться за ея достоинство, потому что, если книга разошлась и не найдется болѣе въ книжной торговлѣ, это значитъ, что она полезна, или нравится, и, во всякомъ случаѣ, читается: поэтому она казалось бы достойна вниманія и заслуживаетъ мѣсто въ библіотекѣ. Но общеизвѣстность сочиненія, точно также, какъ его рѣдкость, не указываютъ еще на его внутреннее достоинство. Есть разумѣется, много рѣдкихъ и даже очень дорогихъ книгъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ ничтожныхъ, или по крайней мѣрѣ малозначущихъ и нелюбопытныхъ, потому что, собственно говоря, нѣтъ совершенно ничтожныхъ книгъ. Надо согласиться съ Плиніемъ старшимъ, оказавшимъ, что нѣтъ такой дрянной книги, въ которой не было бы чего нибудь годнаго. Съ мнѣніемъ Плинія согласны всѣ букинисты: они не брезгаютъ никакимъ книжнымъ хламомъ. будучи увѣрены что всякая книжка найдетъ своего покупателя. Это мнѣ случалось не разъ слышать отъ нихъ когда бывало удивляешься множеству изъ рукъ вонъ плохихъ, разрозненныхъ и изуродованныхъ книгъ, валяющихся на лоткахъ ихъ.

Положимъ, что очень часто трудно добываемыя и усердно искомыя книги не важны и приобрѣтаются только рѣдкости ради, а хорошія сочиненія часто перепечатываются

и, стало-быть, не рѣдки. Но изъ этого нельзя еще вывести, что исключительно рѣдкія книги не стоятъ вниманія, что пристрастіе къ нимъ мелочно и бесплодно и что библиоманы заслуживаютъ одной только насмѣшки и даже осужденія. Смотря по причинѣ, условливающей рѣдкость книги, и иногда по степени этой рѣдкости, можно дѣлать отчасти заключеніе о значеніи и достоинствѣ книги. Наконецъ искатели и собиратели рѣдкихъ книгъ руководятся часто прекрасною цѣлью и передаютъ другимъ пользу и удовольствіе, которыя извлекаютъ сами изъ своихъ библіотекъ. Имъ также часто мы обязаны сохраненіемъ исчезающихъ изъ обращенія произведеній печати, которыя, съ теченіемъ времени и съ развитіемъ литературы, получаютъ цѣну. Только такимъ любителямъ, какъ напр. Хлѣбниковъ, обязаны мы сохраненіемъ русскихъ вѣдомостей временъ Петра I и разныхъ листовъ, истребляемыхъ какъ не нужные и только теперь, при возбужденіи исторической любознательности, получившихъ значеніе матеріала исторіи.

Но какія же книги рѣдки и почему онѣ дѣлаются рѣдкими? Объ этомъ писали многіе библіографы, особенно составители каталоговъ рѣдкихъ и любопытныхъ книгъ, напр. у французовъ Клеманъ, Пенью, Барбье, Брюне; у англичанъ Дейбдинъ, у нѣмцевъ Эбертъ, Грессе и другіе.

Обыкновенно раздѣляютъ книги на рѣдкія, очень рѣдкія и чрезвычайно рѣдкія. Но это опредѣленіе слишкомъ неопредѣлительно и произвольно.

Гораздо лучше дѣлать рѣдкія книги на безусловно-рѣдкія и условно-рѣдкія. При извѣстныхъ признакахъ и свѣдѣніяхъ, можно почти всегда отнести книгу къ тому или

другому раздѣлу и тѣмъ самымъ уже опредѣлить степень ея рѣдкости.

Къ безусловно-рѣдкимъ книгамъ принадлежать, во-первыхъ, печатанныя въ маломъ числѣ оттисковъ. Сюда относится большая часть инкунабуловъ т. е. первопечатныхъ, или, въ буквальномъ значеніи, колыбельныхъ книгъ, вышедшихъ изъ-подъ станковъ первыхъ книгопечатниковъ 15 столѣтія. Въ началѣ введенія книгопечатанія книги продавались за рукописи и выходили въ небольшомъ числѣ экземпляровъ. Инкунабулами называются книги, печатанныя въ 15 столѣтіи и онѣ вообще рѣдки, а особенно рѣдки изданныя до 1470 года, потому что послѣ этого, по распространеніи книгопечатанія, книги издавались въ большомъ количествѣ оттисковъ. Первые изданія, вышедшія изъ Майнцскихъ заведеній Гутенберга, Фауста и Шефера, сохранившіяся доселѣ, извѣстны всѣ наперечетъ. У насъ первопечатными книгами можно считать или печатанныя въ словянскихъ земляхъ, въ Краковѣ, Львовѣ, Вильнѣ, въ 15 ст. и проч., или въ Москвѣ, въ 16 столѣтіи. Старопечатными вообще у насъ называютъ книги, печатанныя до 1700 года церковнымъ шрифтомъ, и обыкновенно присоединяютъ къ нимъ книги временъ Петра Великаго, печатанныя частью церковными, частью гражданскими буквами. Онѣ вообще рѣдки, однако въ различной степени. Благодаря трудамъ Сопикова, Строева, Келпена, Снегирева, Сахарова, Ундолскаго, Кастерина, Каратаева, Быкова, Пекарскаго и другихъ, библіографія этихъ изданій довольно разработана, хотя еще нѣтъ общаго, окончательнаго труда по этой части. — Послѣ старопечатныхъ и Петровскихъ изданій довольно рѣд-